

ОГЛАВЛЕНИЕ

Заметки Директора

Любовь	12
Крым	14
Смена	20
Родство	23
Стыд	25
Люди	28
Море, солнце, горы	31
Неприглядное	34
Лагерное	37
Уют	40
Нельзя, можно	42
Случайно	44
Везет	47
Стройка	49
Против	54
Огонь	56
Вина	60
Команда	62
Невидаль	65
Справедливость	69
Невозможное	72
Благодарность	76
Признание	79
Красота	84
Режим	86
Вместе	92
Праздники	94
Профессионализм	96
Белки	98
Бутово	101
Свежеокрашенное	103
Цель	105
Мечтать	110
Свободная стая	113

Заметки Педагога

Учитель	118
Коллектив	125
Оркестр	127
Признание	129
Смена	132
Пример	134
Неравнодушие	139
Безопасность	143
Большая задача	146
Безусловное	148
Равные	151
Воля	155
Интуитивно	159
Пустота	161
Рамки	163
Важное	167
Дефицит	169
Ценность	171
Мелочи	174
Неправда	176
Одержимость	178
Профессионализм	181
Доверие	184
Урок	188

Заметки Человека

Красота	192
Видимость	197
Хорошее	200
Диагноз	202
Границы	209
Родительские дни	212
Мода	214
Честь	216
Сам	219
Свои	221
Лайки	224
Форма	226
Заклинания	228
Обнимашки	230
Дружба	232
Чудеса	234
Гость	237
Победа	239
Сегодня	241
Беззаботность	243
Загар	246
Сон	248
Детство	250
Время	253

Маме	255
Счастье	257
Мочалка	261
Вечное	264
Рамки	266
Толпа	269
Пионер	272
Вожатый	274
Прошное	276
Любовь	279
Медленно	284
Случай	286
Ссадины	289
Забота	291
Будущее	296
Крым	302
Против	306
Идеал	308
Пубертат	310
Ценность	312
Улыбка	315
Эгоизм	317
Звонок	320
Очередь	322
Изнанка	324
Письма	326
Без компромиссов	328

424 слова перед увлекательным чтением

Годы, проведенные в школе, неоднократно убеждали меня в справедливость мысли Максима Горького: «Дети очень часто умнее взрослых и всегда искреннее». Потому, работая и учителем, и директором старался не проводить традиционных «разборов полетов», а понять почему и зачем ребенок сделал что-то «не то». Анализ, размышления, по-умному — рефлексия относительно причин выбора маленьким человеком направления движения от индивида к личности, мучили. Причем и в школе, и вне ее. И все-таки домашние отвлекали от постоянно идущего «педагогического совета» — профессионального разговора с самим собой, позволяли переключаться, точнее — отключаться. Артек, пусть и национальное достояние, но замкнутое, изолированное от мира пространство. Тут все не так, как в школе. Из образа не выйдешь. На «боевом посту» двадцать четыре на семь, как говорится. Обыденная жизнь здесь сначала смешивается, затем — сливается с профессиональной, становится чем-то единым, неразделимым. Всякий взрослый здесь — педагог или «человек по профессии человек»¹.

Алексей, погрузившись в Артек, потерял связь с обыденной жизнью. Педагогический нерв оголился, взгляд стал пронизательным. Как у аббата Фариа после четырнадцати лет, проведенных в замке Иф. Возникли вопросы, самые простые и... самые сложные. Например: «Могут ли увлеченные люди стать заложниками профессиональных стереотипов? Не противоречит ли школьная форма развитию индивидуальности? Хорошо или плохо, если школа очищена от всего лишнего? Может случиться образование в таковой?» И главный вопрос: «Что важнее в образовании — процесс или результат?». И напоследок: «Когда мы говорим «образование», у нас возникает картинка школьного здания? Может это

¹ Погребельский В., Турчанинова Ю. Человек по профессии человек // Учительская газета. 1992. № 1.

не так? Совсем не так?». Автор не дает ответов на эти вечные вопросы педагогики. Он рассказывает читателю не то, ЧТО, КАК и, главное, ПОЧЕМУ об этом думает, приглашая заняться этим читателя.

Отсутствие классической дидактичности часто не удерживает авторский взгляд на обсуждаемом предмете. Вот и появляются в том или ином эссе то тема семьи, то рассуждение о роли «учителей-Паганелей», то образ скульптора Неизвестного, фамилию которого незнамо как писать — с большой или маленькой буквы...

Очень не хотелось к столь необычной книге писать традиционное предисловие: автор нашел..., обратите внимание на..., можно вступить в дискуссии с... и т.д. Хочется заинтриговать читателя, призвать его вслед за автором, использовать технику медленного чтения. Ведь сборник эссе, который вы держите в руках, и не «Повесть о пережитом»¹, и не «Автопортрет на фоне профессии»². Это даже не автоэтнографическое исследование, в котором автор связывает личный опыт с более широкими смыслами, а своего рода исповедь, которая, надеюсь, не оставит равнодушным читателя.

Впрочем, быть может, я ошибаюсь, ведь Алексей Каспржак — Анатоле-вич, мой сын.

Анатолий Каспржак

¹ Б. Дьяков, «Повесть о пережитом», печатались в журналах «Звезда» за 1963 г. и «Октябрь» за 1964 г.

² А. Берштейн, «Школьный блюз: автопортрет на фоне профессии». — Москва: АО «Акрон», 1996.

Вместо введения

ВЫБОР

Самый часто задаваемый вопрос: почему я ушел. Сделал это сам. Ведь остаться мог. Предлагали. Но собрался и уехал. Тогда почувствовал. Сейчас понимаю, что сделал то, что должен был. Выбор. Главное дело в жизни человека. Он не бывает правильным. Делая его, ты всегда отказываешься. В том, от чего, всегда есть хорошее. То, что можно было сделать. Даже если не смог нового, сохранять дольше то, что раньше получалось, — тоже цель. Ради этого стоит выбор делать. Это как болезнь. Ты ежедневно борешься. Каждый день укрощаешь ее. Зная, чем закончится. Но сдаться сразу неправильно. Я знаю, как сложно. Есть те, кто такой выбор делает.

Я выбрал как директор. Популярный. Авторитетный. Я мог делать все. Это одновременно плохо и в то же время хорошо. Мандраж присутствовал еще, но я начал позволять себе то, что неправильно было делать. Экспромт. Запаса, опыта хватало. Но нужно каждый раз сделать не просто хорошо. А лучше всех. Так перестало важным быть. Или просто не хотелось. Но выбор руководителя заключается в другом. Так, как я считал, мне уже вряд ли дали бы руководить, принимать решения, делать. Артек является Артеком прежде всего в том, что ощущает себя исключительным, в ряд не встающим лагерем. А того, кто в него приехал, — человеком. Был вариант ряд подтянуть. Но что рассуждать о том, что не случилось. Кто мог тогда представить, что ряд теперь во всем. Беда пришла в наш общий дом. То, что было постоянным, стало переменной.

Я выбрал как учитель. Многие так меня определяли. Заразно делать то, что нравится и получается еще. Скорее образ, нежели я сам был педагогом. Дети сами выбирают. Произвольные они. В лагере особенно.

Не соответствуют тому, что взрослым нравится. Сами примеряют на себя. Я говорил об этом с ними каждый раз. И со взрослыми. Счастливым сделать никого нельзя. Можно создать условия. Помочь счастливым быть тому, кто хочет, человеку. Видел, так бывает. Как чуток был тогда? Сам не представляю. Может быть, совпало? Но снова везде — можно и нельзя. Знают, как хорошо и плохо. На каждого, как маску, «должен» надевают. Все просто и определенно. Учитель — не помощник, знахарь. Принуждением к счастью общему учительство теперь время занимает. Функция моя исчезла.

Надеюсь, что еще я выбирал как человек. Как проще. Это же естественно — от сложностей уехать. Я думал, пригодится опыт делать то, что видно только мне. Бить в цель результативно — это же не все. Куда важнее придумывать то, куда людям стоит двигаться, меняться, ехать. Мой выбор — эти тексты. Я старался написать здесь все, чтоб каждый прочитавший мог задать себе вопрос. Возможно, понял, что из стройных человеческих рядов торчит он не один. Так можно жить. Согласен, неудобно. Да. Но другой выбор совесть не дает, мешает сделать.

Заметки

ДИ-

рек-

Тора

ЛЮБОВЬ

Лагерь — это всегда про любовь. Кто в нем первый раз не влюблялся? Или очередной раз? В девочку из отряда. В молодую вожатую. В приехавшую на несколько дней погостить звезду. В место. В море, солнце — даже если смена не летом. В то, как к тебе относятся, считая тебя главным. В породистую собачку на ферме или в беспризорную кошку, облюбовавшую столовую в поисках пропитания. В конце концов — в себя, способного теперь на то, что раньше не пробовал. Что никогда до лагеря не получалось.

Влюбляться никогда не поздно. Жизнь отучает это делать. Заставляет быть разумным и рациональным. Жадным. Полюбить — значит потерять. Голову, время. Чувство безразличия, наконец. Надо же трогать и принимать предмет твоего обожания. Принято считать, что Артек научал любить Родину. Россию, предоставившую тебе возможность побывать в нем. Думаю, это так. Но без специальных слов и ритуалов. Находясь все время рядом. Ухаживая и сопровождая. Не навязываясь и не требуя ничего взамен. За двадцать один день любовь к себе ребенка становилась больше, чем он сам, и начинала требовать подтверждения. В отряде, в лагере, в Артеке. Выходя за его границы — в стране. Источник чувств — всегда ты сам. Требовать их от кого бы то ни было бесполезно.

Помню, как это все начиналось. Я собирался ужинать, когда зазвонил телефон. «Вас беспокоят из приемной вице-премьера Ольги Юрьевны Голодец. Вы сейчас можете к нам подъехать?» Кто она такая, я знал. Но лично знаком не был. Я жил за Преображенкой, на Открытом шоссе. Посмотрев на навигатор, ответил, что буду не ранее, чем через сорок минут. «Хорошо, мы вас ждем», — ответил приятный голос помощницы. Не переодеваясь, так и не притронувшись к готовому ужину, я сел в машину и поехал. Это был март две тысячи четырнадцатого. Честно, я не мог и предположить, какого рода предложение прозвучит. Что мне

предстоит бессонная ночь осознания того, что можно и нужно сделать в месте, где я ни разу не был. Да и признаться, когда услышал, не знал, где оно находится. Так часто случается, когда это любовь.

КРЫМ

Лагерь в Крыму

По дороге на встречу я понимал, что разговор пойдет обо всем известном полуострове. Конец марта две тысячи четырнадцатого: только что отгремевшая Крымская весна и звонок из Белого дома не могли не быть связаны. «Только не чиновник», — думал я, набирая номер отца, чтобы обсудить возможности и риски. После Тверской области в моей профессиональной деятельности было много разного. Позиции, должности, зарплаты, к которым люди идут всю жизнь. Но эмоций, сравнимых с возможностью сделать мир лучше на вверенной тебе территории самого большого региона Центральной России, не было. И я понимал, что этого звонка ждал. Что, несмотря на то что речь о Крыме, соблазн согласиться слишком велик. Нужно было поговорить с тем, кто всегда за тебя. Мне нужно было его одобрение.

Сорок минут дороги пробежали незаметно. Москва уже выезжала из центра. Я направлялся в него. Навигатор тогда работал исправно и не вис, позволяя точно следовать его указаниям, а не достраивать и предполагать. С ним диалог был не нужен. Да и я, хоть и позвонил отцу, не ждал обсуждения. Он догадывался. Вспомнил, как пришел в свое время к моему деду, своему отцу, за советом, нужно ли вступать в партию. Тот ответил, что да, в партии приличных людей будет больше. Это я воспринял как нужный мне сигнал от отца и деда, чей авторитет в нашей семье непререкаем, а образ даже немного мифологизирован. Встав с ними в один ряд, я расслабился и уже спокойно доехал до цели.

Приемная Ольги Юрьевны хоть и отдавала, как и все здание, общим прошлым, была уютна и не создавала ощущения шлюза в неведомую высь. Власть в ней являлась с человеческим лицом. И ты не представлял

перед начальствующим «тварью дрожащей». Ее звонкий голос располагал к общению. Живой заинтересованный взгляд свидетельствовал о том, что ей не все равно. Она участвовала. Позже стало ясно, что для нее Артек — очень личное. Там она бывала ребенком и сегодня могла себе позволить отдать долг тому месту, где ей было хорошо. Еще большее удовольствие, чем только брать. Я слушал ее, а на телефоне под столом незаметно вбивал в поисковик знакомое название «Артек». «Лагерь в Крыму» — первое, что прочитал я. Так, настороженно относясь к произошедшему той весной, опасаясь последствий, я внутренне согласился. Но этого было, как оказалось, совсем недостаточно. Впереди были два месяца борьбы за возможность стать тем, от чьего лица я повествую теперь.

Качели

Впервые я побывал в Артеке в мае две тысячи четырнадцатого. Помню, чемпионат мира по хоккею был в самом разгаре. На ужин на набережной Гурзуфа мы пришли вдвоем с коллегой из Министерства образования и науки. На экране — матч с участием сборной. Играли наши и финны. Почти все столы были заняты. И нам предложили сесть спиной к посетителям прямо у экрана. Выбора не было, мы сильно проголодались. Особенностью того времени было то, что ни телевидение, ни радио еще не перестроили вещания. Доступной была трансляция лишь украинского канала. Вел ее комментатор, который, очевидно, был против. Не за нас. И громко выражал это не на русском языке. Мы же, не понимая реакции зала, пребывали в легком замешательстве. Ели и ждали. Гол. Пауза. Восторженные возгласы. Слава Богу. Они за нас.

Нужно сказать, что в Артеке нас тоже не особо ждали. Начальство, как принято, не встречали. На телефоны не отвечали. В выходные дверь в офис — здание главного управления лагерей (ГУЛаг), — не открывали. Артек был крымским. Желания забрать его власти местные не разделяли. По-простому — все игнорировали нас. Нужно отметить, что к высоким гостям Артек был давно приучен и потому не рассыпался

в подбострастии даже перед самым значимым из них. Лагерь с его внутренним достоинством всегда отличался не только размером, схожим с площадью княжества Монако. Независимостью. Внутренней свободой. Правом быть искренним, а не казаться. Если любить, то любить. Если ненавидеть, то до самого конца. Он к тому моменту был уже взрослым и потому не вспыхивал мгновенно страстью, как молодая девушка. Скорее, как бабушка, медленно присматривался и неторопливо решал.

Этот приезд, да и последующие два, не давали окончательного, уверенного ответа. Подтверждения моего приема на работу. Оказалось, что конкурс, проведенный вице-премьером, в котором участвовали от директоров школ до генералов, был лишь первым, маленьким шагом. А случившееся в конечном счете назначение тринадцатого июня все того же года не стало финишем. Стать начальником не значит получить должность. Кресло, кабинет — бантики. Написанные на визитке заветные слова нужны только тому, кто ищет в них подтверждение. В Артеке все решают дети. Авторитет у них заработать сложно. Потерять легко. Он измеряется продолжительностью паузы, которую может позволить себе говорящий на сцене «Артек-Арены», сопровождаемой тишиной детской аудитории, состоящей из нескольких тысяч человек. До этих пауз было далеко. Да и до строительства арены. В преддверии восьмьдесят девятого дня рождения Артека я был представлен коллективу. А с самого утра шестнадцатого июня на линейке в «Морском»¹ понял, что только громкими словами пока могу уgomонить толпу.

ЧКХ

Чисто крымская херня. Ее было много. Огромное количество привычного, обыденного, регулярного для всех удивляло, обескураживало. Лишало дара речи и возможности среагировать. Ты не мог себе представить, что

¹ Международный детский центр «Артек» включает в себя девять лагерей: «Полевой», «Речной», «Янтарный», «Хрустальный», «Озерный», «Лазурный», «Морской», «Лесной», «Кипарисный». На момент написания книги подходила к концу стройка лагера «Солнечный». — *Прим. ред.*

Апрел

может быть так. Для всех же тебя окружающих все было в порядке вещей. Например, как руководителю учреждения, мне предоставили рабочий автомобиль. Огромный старый внедорожник — «тойота-лендкрузер». Совсем большой, валкий. Он прошел более шестисот тысяч километров и потому весь скрипел и кряхтел, но ехал. В его багажнике был большой кровавый след. Вероятно, от перевезенной туши. Надеюсь, животного. Но самое интересное, что вместо технического паспорта автомобиля под козырьком была визитная карточка без особых опознавательных знаков. Только телефон, фамилия, имя. Не успев спросить, зачем мне это, получил внятное разъяснение, мол, если вдруг вас остановят, передайте эту визитку инспектору. Вопросов быть не должно.

Херня была разная. Но в основном рукотворная. Договорная и общепринятая. Она рождалась где-то между компромиссом, ленью и жадной быстрой наживы. Учитывая то, что доведенный Крым своим положением в какой-то степени напоминал нашу Калининградскую область или Дальний Восток, периферийное сознание позволяло многое. Можно было продать участки земли с возможностью доступа только через территорию лагеря. Запроектировать и построить огромные жилые комплексы с единственным расчетом врезаться в его канализацию. Рекламирывать дорогостоящие виллы, не скрывая, что доступ на пляж может быть только через детский лагерь. Выгородить его часть и открыто продавать билеты для прохода на эту территорию. После ялтинского рынка, которому особо не было альтернативы, чувствовать себя вольготно в «Азбуке вкуса» в Москве. Без капли стеснения установить ценник на только что произведенные крымские вина значительно выше французских. И многое-многое другое. Этими шокирующими особенностями полуостров был полон. Казалось, они везде. Все не рассказать, часть и не вспомнить. К некоторым за время жизни там мы успели привыкнуть.

Говорят, такая херня есть много где. На Сахалине и в Сочи, Краснодаре, Чите, Грозном. Привычками мест и местечек мы связаны, как путами, не имеющими ни начала, ни, кажется, конца. Устойчивость, преемственность, как верительная грамота, узаконивает их. Объясняет и обосновывает невозможность изменений. Мы приехали из другого

места и удивились. Усомнились. Сказали нет. Не прогнулись и не купились. Нам было что терять, и это нам помогло. Наш случай уникален благодаря созданным нам условиям. И, наверное, былое не вернуть. Но как менять просто так? Как обеспечить устойчивость результатам и не стать временным изменением, только подтверждающим правило? Тогда мы об этом не думали. Улыбались. Встречая, лишь пожимали плечами. ЧКХ, что тут скажешь.

СМЕНА

У каждого своя смена в Артеке. Моя длилась дольше обычной. Но двадцать первый день в лагере я помню довольно отчетливо. Как и полагается, я встретил его рассвет на горе Аю-Даг, поднявшись туда вместе с детьми «Морского» лагеря. Эта старая традиция — одна из немногих — устояла, так как была беззатратной. Нищета заставляла отказываться от всего. Денег в бюджете не хватало даже на зарплату. А для нескольких уцелевших студий их изобретательные руководители собирали материалы где придется. Обязательств набрано было на все лето, а средств их обеспечения не было вовсе. Разве что затоваренные продовольственные склады. И то слава Богу.

Восхождение директора было диковиной. Начальника положено было сопровождать. Ко мне приставили опытного вожатого. Точнее сказать, меня приставили к нему, чтобы не сбился с пути. Это сейчас я могу любого провести на вершину. Позже случалось совершать подъем с одним ребенком на шее, другим на руках. Тогда же все было в новинку. Василий — так звали вожатого — держался молодцом. Достоин и профессионально. Его смена подходила к концу, и мыслями он уже был дома. Рассуждал о том, как будет разводить кроликов, чтобы кормить недавно родившегося ребенка диетическим мясом.

Он был из Украины. Я три недели назад приехал из Москвы. Мы вместе очутились на тропе к вершине неслучившегося вулкана с отрядом детей. Ни о чем не спорили. Не знаю, что подумал обо мне он, но я был впечатлен его работой. Он получал удовольствие от того, что делал. Должное совпало с желаемым в его непростом вожатском труде. И это было великолепно. Как он объяснял, помогал, терпел и входил в положение! Тон, взгляд, жесты — все было безукоризненно. Без панибратства, но и не свысока. Так, как я не умел никогда. Наверное, потому и не стал учителем. Меня он тоже тогда наставлял. Знакомил с тем

Артеком, который оставлял с собой, покидая его. Тогда мне казалось, что до моего прощания еще очень далеко. Никто из нас не предполагал тогда, что жизнь нас так разведет. Раскидает по разные стороны непреодолимых границ.

Авторитет
заработать
сложно.

РОДСТВО

Среди множества моих странностей, от внешнего вида до самостоятельной езды за рулем, одно обстоятельство, уверен, не давало покоя многим. Кто я? Чей брат, сын, племянник? За все время работы версий накопилось — не счесть. Особую роль во всем этом многообразии занимала Ольга Юрьевна Голодец. Сразу оговорюсь: для меня она непререкаемый авторитет. Человек, остающийся им всегда, при любых обстоятельствах. Именно ее воле обязан Артек тем временем, когда он возродился, как феникс из пепла. Но сейчас не о ней. О наших с ней отношениях.

До той самой встречи в Белом доме мы были мало знакомы. Я, разумеется, знал, кто она. Мы как-то раз встречались, но это было давно. И не уверен, что она об этом помнила и помнит. Я не сразу пришелся ко двору. Будучи предложенным среди многих, в списке я не занимал приоритетного места. Позже узнал, кого хотела она сама. Сейчас он достойно руководит одной очень известной частной школой. Рожденный после разговора текст о моих идеях по воссозданию Артека ей глянулся. Не более того. Для принятия решения важнее было то, что я случайно оказался компромиссной фигурой. Да и явно желающих особо не было. Кто знал тогда, что и как будет с еще весенним полуостровом. Сложно было и с властями Крыма. Но на этом больше останавливаться не будем.

Приехав в лагерь, я начал его изучать. Ходил, бродил. Заглядывал в каждый угол. Как-то, возвращаясь из «Кипарисного», неловко прыгнул с подпорной стены и повредил пяточную кость. Трещина была отчетливо видна на снимке. Через два дня приезжала Голодец, и мы в ее темпе должны были все обойти. Мне было совсем нелегко. Раздраженная моим отставанием, она развернулась ко мне и довольно резко, напряженно сдвинув брови, сказала: «Алексей Анатольевич, власть берут. Ее никто так просто не отдает». Позже было всякое. Но справедливости ради, нужно сказать, что к концу лета две тысячи четырнадцатого в лице

своего руководителя я четко ощущал поддержку. И право на свободу. Это было партнерство. Близких по духу людей. Такое не часто случается даже между родственниками. Жаль, что это знание приходит после совместной работы. В момент назначения родство все чаще оказывается куда важнее.

СТЫД

Система питания

Приехав в Артек, мы решали задачу демонстрации его работы. Все должно было свидетельствовать о продолжении, нет, начале жизни. Число детей и открытых лагерей было тому самым красноречивым доказательством. Единственное, что нам помогало, — одержимость. Незнание — лихо. Как в спорте: невозможное нужно научиться делать в детстве. Мы были малыми бесстрашными детьми. Соглашались, сами инициировали то, что с опытом казалось невозможным. Над нами смеялись. Часто соглашались только на словах. Но дуракам, как в сказках, везет. По прошествии уже многих лет кажется, что мы в ней и были.

Лагерь — это не только место, где спать, но и место, где есть. Со временем понимаешь, что последнее важнее. Еда — ключевой триггер. Главный раздражитель родителей. Расконсервировав летние лагеря, подготавливая их к сезону, мы открыли старую столовую — «Теремок». Худо-бедно она начала работать. На проверку, в подмогу, чтобы все было хорошо, приехал руководитель Роспотребнадзора. Анна Юрьевна Попова симпатизировала команде. Часто бывала. Соглашалась с нашими попытками разрушить стереотипы. Меню, режим, рацион питания, требования к условиям в походе, оливье на Новый год — это все тема отдельного эссе. Сейчас же было не до изысков. Кормили тем, что есть, тем, что осталось.

Столовая — место питания всех. Детей, взрослых. Детей взрослых. Друзей. Несли все и всегда. То, что оставалось, — питомцам. То, что не поставили на стол, — себе. То, что себе не можешь позволить, — на продажу. О таком порядке было известно всем. В том числе охране, полиции. Поэтому они тоже питались. Питалось и все начальство. Это

не обсуждалось. Как будто так и надо. Разорвать этот порочный круг еще предстояло. В тот злосчастный день нужно было испытать только стыд. Другого было не дано. Войдя на кухню, главный санитарный врач страны обратила внимание на заваленную посудой мойку. При наличии посудомоечной машины это действительно удивляло. Анна Юрьевна попросила ее разгрузить. На самом дне лежали две упакованные курицы. Это был настоящий позор. Наш, отечественный. Природный, натуральный, советский. От него стало стыдно всем: тем, кто украл, тем, кто нашел, тем, кто просто оказался рядом. И границы, страны, разные языки, правительства и президенты не смогли исправить систему питания. Она у нас одна, врожденная.

Чаша Генуя

Нет, я не против такого решения. Не против привычек, традиций. Считаю и считаю, что все начинается с туалета. Образование, школа, дом, офис, работа. Он — лицо, а не то, что обычно над ним возносится. Или просто садится. Это каждого касается, и всем придется встретиться. Войти, облегчить себя. Если получится. У моей дочери в школе Артека не получилось. Приглашенные мной коллеги и я переехали семьями. Дети пошли в школу, детский сад. Мои тоже. Это единственный способ быть искренним с местом, где работаешь. Тогда ты делаешь не для кого-то, для себя. Потерпеть, войти в положение — просить некого. Себя. Ну и тех, с кем работаешь. В гостинице мы образовали собой военный городок, где все про все знают. Друг с другом о том, что беспокоит, говорят. Дома — в выходные, в будние — на работе. Дети — это то, что всех заботит. О них все время говорят. Не откладывая, мы занялись детским садом и школой.

Изменения там заслуживают отдельного внимания. Могу сказать одно — мы сделали детский сад, которому тяжело было найти в Москве альтернативу позже. Школу, куда дети хотели идти. Представить сложно, но начиная с сентября, когда море еще теплое, солнце, дети выбирали артековский отряд и школу как то, что лучшего с ними случилось

за смену. Проще говоря, она стала интересным местом, куда дети ходить хотят, а не вынужденно по утрам топают. Так и моя дочь любила школу. Пошла туда, как все, первого сентября. Через пару месяцев звонок мне на работу. Соне плохо. Вызвали врача. Заболел живот. Температура поднялась. Отвезли домой, и как-то все прошло. Все сделала сама. Без медицинской помощи.

Неопытный взгляд тогда подвел меня. Класс, этаж начальной школы преобразовывались быстро. Надо быть честным: здание школы — самое новое из построенного до нас в Артеке. Светлое, просторное. Правда, для растущей численности детей недостаточное. Но это позже. Тогда нужно было разобраться в том, что произошло. Ответ ждал меня в школьном туалете. Все чисто. Но чаши Генуя ребенок испугался. Он первый раз увидел и не смог. Терпел, терпел. Дальше вы все знаете. Эти туалеты повсюду. В управлении в Артеке. На автобазе. В новом офисе на складе. Тысячи убогих деревянных неотапливаемых туалетов в школах по всей стране. Они везде. Как-то в Новокуйбышевске, нефтяной столице Самарской области, в четырехзвездочном новом отеле я удивился запаху в общественном туалете. Мы проводили семинар с различными экспертами. В том числе иностранными. Один из них, обернувшись, сказал: «Вы считаете, что ваш Бог вас там не видит». Не знаю, как Бог, но туалет — то место, которое определяет твоё отношение к себе. Он только для тебя, должен тебе соответствовать. Ты — это твоё отражение в его зеркале.

ЛЮДИ

И все же Артек — это люди. Они и только они есть то, что уже сто лет притягивает внимание. Учительство, образование, общество, страна — это не территория, гектары и километры. Это люди. Их эмоции, отношения и мысли. Идеи, фантазии и мечты. В мире детей это очень заметно. Они позволяют значимому быть определяющим. Историческая натренированность, несмотря на невзгоды и разные временные расстройств, заставляла относиться к детям по-человечески. Ко всем — по-людски. И этого оказалось достаточно. Остальное мишура. Ребенок, попав в ситуацию уважения, доверия, выбора, делает то, что ему нравится. Не это ли зовется счастьем?

В Артеке работает много людей. И тогда их было не то чтобы меньше. Тысячи. Многие из них прибыли сюда вожатыми и так и не смогли расстаться. Это внутренняя иммиграция в детский мир. В систему координат, ценностей, отношений. Часто они выглядят комично в шортах и футболках немного не по размеру. Как будто выросли из них. И из отрядно-лагерной жизни, которая в какой-то неуловимый момент становится всем. А вместе с этим копятся обиды, недовольства, неустроенность. Как у женщины в семье, отдавшей все воспитанию детей, — с их взрослением. Они искренни в своих претензиях к Артеку и оттого чужды. Главное в этот момент — изолировать их от детей. Иначе все станет устроено как в обыкновенной школе.

В первые дни, недели, даже месяцы я много встречался с людьми. Общался. Пытался понять. Без стеснения просил мне рассказать. Я ничего не знал об Артеке. Люди были разные, молодые и постарше. Женщины в основном. Для образования — слишком часто встречающиеся мужчины. Мудрые, опытные. Но в своей массе, собравшись в зале, на совещании в первый день на знакомство, долго еще потом выглядели загнанными. Немного дикими. В их словах, мнениях, даже в виде, не было

существенных различий. Отдельные личности вырисовывались с трудом. Масса, народ, люд. Реагирующий штампами на все. В куртках, шапках в помещении. По прошествии года стали заметны изменения. Как краски, на лице начала появляться косметика, на головах — прически. Обновился гардероб. Появилась разноголосица, а оттого — жизнь, динамика. Мнение встречалось с мнением, а не проваливалось в молчаливую бездну. Отталкивалось и росло. Набиралось жизни. Не готовые на все, а сомневающиеся и несогласные, эти люди дарили повод подумать, усомниться. Принять правильное решение, устойчивое. Готовое жить.

Сон вожатого

Уверен, конкурс на самую оригинальную позу для сна выиграет артековский вожатый. Если он настоящий, отработавший пару-тройку смен, сон — единственное его искреннее желание. Неистовое и неуправляемое. Заставляющее закрыть глаза везде. Стоя, сидя, полулежа. На обеде, в ожидании детей в школе. С утра на пятиминутке. В парке, на пляже. Если вдруг внимание не требуется, он замирает прям на полуслове. Не меняя положения. Сам видел много раз. Достойны, но безмолвны. Как кони отпахавшие стоят. Дышат еле-еле. Сами где-то далеко в глубоком сне. Им снятся сны об их мягких постелях дома. Тронь — как ни в чем не бывало, снова в бой. Все в памяти осталось: кто они и где. По именам всех, с кем они. Все помнят.

Их график жизни непростой. Сутки. Ответственность. Жизнь отряда, все на них. Двадцать, может, двадцать пять детей. Внимание. Авторитет. День, ночь. Где там поспать? Дети всегда о себе напомнят. Плюс в детских корпусах нет мест для сна вожатых. Их жизнь специально от детей отдельна. Так сделано везде. Мешать не нужно: работу, жизнь. Взрослый быт и детский. Мы же понимаем, что, сколько ни запрещай, потребности как удовлетворить, вожатые найдут везде. Пусть лучше поодаль. Не на виду у основных жителей Артека. Я про детей. Чтобы соблазна не разжечь у тех, кому все хочется, как у взрослых. Надо или нет — не важно. Лучше не рисковать без надобности. Так прожили все пять лет спокойно.

Я знаю, как это — не спать. Как заплетается язык, когда сознание уже во сне. Как веки тяжелеют. Как их сложно удержать. Ты кажешься себе безвольным. Бессилие смыкает губы. Каплю слюны не могут губы удержать в невинном, очень нужном сне. И как приятно тяжесть головы перестать держать только шее. Даже если, опершись на что-то, спишь. Не важно, даже стоя. Как трудно, но как забываешь эту жажду вдруг. Оказываясь там, где нужен. Вожатый — в гуще событий и детей. Каждый там, где требуется. Сон снимает только дело. Поспать успеем, как только доделаем, доучим, долечим и достроим. Может, потому ты так запоминаешь время, когда мечтал о сне, так как его менял на важное. Без сожаления. Сам уже не помнишь, почему, зачем.

МОРЕ, СОЛНЦЕ, ГОРЫ

Вверенный мне объект требовал участия, обеспечиваемого лишь огромным числом бюрократических решений. Для этого нужно было постоянно летать на встречи и совещания в Москву. Тонус всем придавали еженедельные совещания у вице-премьера. Там выписывались поручения. Нужно было их реализовывать. Добиваться, добивать, толкать. Еще во времена моей работы в Министерстве образования и науки, возглавляемом Фурсенко, в департаменте Калины, мой непосредственный руководитель Игорь Реморенко прозвал меня, совсем юного руководителя отдела, Маугли. И это не из-за смуглости кожи или черноты волос. Он говорил: «Тебе легче сдать, потому что, если тебе что-то нужно, ты кого угодно допечешь». В новой ситуации я приобрел к имеющемуся загар лица от постоянного нахождения на солнце. Видимо, стал еще больше соответствовать ранее выданному прозвищу.

Крым — это триста солнечных дней в году. Его Южный берег — вдобавок море и горы. Это первое, о чем думает хоть раз там побывавший гость или житель Москвы, когда к нему на встречу приезжает тот, кто трудится там, на полуострове. Москвич уверен, что основное время рабочей недели находящийся перед ним человек проводит на пляже, день за днем устраивая себе продолжительные сиесты. Удивляется, если ты заговариваешь об отпуске. «Зачем он тебе? Ведь ты в нем живешь». Внешне все действительно так. Я жил все это время в гостинице, построенной югославами, по-моему, к Олимпиаде-80, в пятидесяти метрах от моря, у самого подножия Аю-Дага. Море так близко, что сквозь открытые окна с утра слышен прибой. С одной стороны море, с другой — горы. Весной в бухту заходили порезвиться дельфины. Сначала их спины поднимались над горизонтом, далеко. Позже они подплывали

ближе. Играли и выбрасывали свои тела из воды на радость заметившим их. Рай земной. Добавим к этому приятный сухой климат полуострова. Дневной зной, перемежающийся утренней и вечерней прохладой, спускающейся с гор. Пышную растительность Южного берега Крыма. Ароматы и вечный стрекот цикад. И, представляя все это, чиновник, к которому ты приехал, тебя в глубине души ненавидел.

Для меня это было странно. Находясь там, думаешь, будто это навсегда. Успеешь. За первое лето я зашел в море один раз. И то — ночью, в первый приезд, до назначения. Потом все полетело, побежало, понеслось и осталось сейчас в воспоминаниях, как фотография, картинка. Ощутить, где ты, помогало постоянное перемещение по лагерю пешком. Но насладиться, вкусить было некогда. Смена за сменой. Подготовка к стройке. Вечный поиск людей. Денег, которые нужны на все. Утром встал в пять, если повезет, в шесть часов — и вперед. До вечернего события в лагере. До отрядного круга перед сном. До победного. Так на самом деле было. Дни, недели, месяцы — все превратилось в смены и пересменки. Нет дней рабочих и нерабочих. Лагерь по другому графику живет. Солнце, море, горы — это для тех, кто к нам приехал. Так там есть, и так там было. Только по прошествии лет, сменив Крым на Москву, тоскуешь по тому, чего раньше не замечал. И у нас так все. Когда есть, не ценишь. А потом: было, было, было.

